УДК / UDC 81’374.3

Образы пространства в калмыцкой прозе: лингвокультурологический аспект

Нина Михайловна Мулаева[1]

Images of Space in Kalmyk Prose: A Linguocultural Aspect

Nina M. Mulaeva[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, и. о. старшего научного сотрудника

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Acting Senior Research Associate

0000-0001-8395-849X. E-mail: munimi(at)mail.ru

Аннотация. *Цель* статьи — проанализировать образы пространства в сочетаниях с пространственными прилагательными на материале калмыцкой прозы в лингвокультурологическом аспекте. *Результаты.* Образы пространства в текстах передаются конструкциями с пространственными прилагательными, обозначающими размеры: длину, ширину, высоту, глубину, объем и формы объектов. Небесное пространство наиболее выразительно отражено в текстах в образах космонимов: солнца (*нарн*) и луны (*сар*), которые уточняются адъективом *төгрг* ‘круглый’, указывающим на форму объектов в устойчивых сочетаниях: *төгрг шар нарн* ‘круглое желтое солнце’, *төгрг сар* ‘круглая луна’. При описании земного пространства авторы особое внимание уделяют образу степи (*тег*), который наиболее точно передается в устойчивых конструкциях в сочетании с пространственным прилагательным *өргн* ‘широкий’, характеризующим безграничные пространства, и его синонимом *у* ‘широкий’ (*өргн тег* ‘широкая степь’, *өргн көк тег* ‘широкая зеленая степь’, *у тег* ‘широкая степь’). В текстах для конкретизации признака образа степи применяется прилагательное *ик* ‘большой’ (*ик өргн тег* ‘большая широкая степь’). Образ степи авторы неразрывно связывают с образом дороги, создавая многогранные художественные смыслы. Дорога символизирует движение, а степь выступает как бескрайнее, вольное про-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2026
© Мулаева Н. М. (Mulaeva N. M.), 2026

странство, тесно связанное с кочевым бытом. При характеристике водного пространства главенствующая роль отведена образам реки, озера, характеризуемым пространственными прилагательными *өргн* ‘широкий’, *төгрг* ‘круглый’ (*өргн һол* ‘широкая река’, *төгрг нур* ‘круглое озеро’). Образы пространства в произведениях А. Бадмаева, К. Эрендженова, М. Хонинова и др. передаются в фольклорной традиции через сравнения, устойчивые формулы, метафоры, гиперболы и т. д. *Выводы.* Через описание пространственных образов авторы транслируют ключевые для нации ценности, архетипы и представления о мире, которые используются в художественных текстах для создания атмосферы, характеристики локуса или передачи авторской картины мира. Обширное употребление богатого фольклорного наследия в калмыцкой прозе создает целостную этническую картину мира.
Ключевые слова: калмыцкий язык, калмыцкая проза, образы пространства, пространственные прилагательные, образ степи, лингвокультурологический аспект
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект ‘Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая’ (номер госрегистрации: 123021300198-4).
Для цитирования: Мулаева Н. М. Образы пространства в калмыцкой прозе: лингвокультурологический аспект // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2026. № 2. С. 141–153. DOI: 10.22162/2587-6503-2026-2-38-141-153

Abstract. *Goals.* The paper attempts an analysis into the images of space in combinations with spatial adjectives from a linguocultural perspective. *Results.* Images of space in the texts are conveyed by constructs with spatial adjectives denoting spatial dimensions, such as length, width, height, depth, volume and shape of objects. The celestial space is most expressively reflected in the texts through the images of cosmonyms — the sun (Kalm. *нарн*) and the moon (*сар*), which are specified by the adjective *төгрг* ‘round’, indicating the shape of the objects in stable combinations, e.g., *төгрг шар нарн* ‘round yellow sun’, *төгрг сар* ‘round moon’. When it comes to describe terrestrial space, the writers pay special attention to the image of steppe (*тег*), which is most accurately conveyed in stable constructs in combination with the spatial adjective *өргн* ‘wide’ characterizing boundless areas, and its synonym *у* ‘wide’ (*өргн тег* ‘wide steppe’, *өргн көк тег* ‘wide green steppe’, *у тег* ‘wide steppe’). In the texts, the adjective *ик* ‘large’ is used to specify this characteristic of the steppe image (*ик өргн тег* ‘large, wide steppe’). The authors inextricably link the image of steppe with the image of road, creating multifaceted artistic meanings. Road symbolizes movement, while steppe appears as endless, free space closely associated with nomadic life. When it comes to characterize water space, the dominant role is assigned to the images of river, lake, characterized by the spatial adjectives *өргн* ‘wide’, *төгрг* ‘round’ (*өргн һол* ‘wide river’, *төгрг нур* ‘round lake’). The images of space in the works of A. Badmaev, K. Erendzhenov, M. Khoninov and others are conveyed in comparisons, in stable formulaic expressions, metaphors, hyperbolas, etc. *Conclusions.* Through the description of spatial images, the prose-writers convey some key values, archetypes, and ideas about the world that are central to the ethnos and are used in literary texts to create certain atmosphere, characterize a locale, or convey the author’s vision of the world. The extensive use of rich folklore heritage in Kalmyk prose serves to create a holistic ethnic picture of the world.

Keywords: Kalmyk language, Kalmyk prose, images of space, spatial adjectives, image of the steppe, linguocultural aspect
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.
For citation: Mulaeva M. N. Images of Space in Kalmyk Prose: A Linguocultural Aspect. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2026. No. 2. Pp. 141–153. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2026-2-38-141-153

Введение

В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению образов пространства на материале художественных текстов [Мазанова 2004; Игумнова 2009; Аюпова 2012; Гончарова 2012; Каногина (Белова) 2025; и др.].

Пространство, изображенное в художественном произведении, всегда в той ли иной мере является условным. Условность категории *пространство* воссоздается в текстах писателей и поэтов в соответствии с «представлениями автора, его замыслом и художественным методом» [Лихачев 1970: 7]. В художественном тексте образы пространства соотносятся между собой и создают целостную картину. Пространственные образы могут быть конкретными (например, город, дом) или абстрактными (космос, пустота), а особенности их изображения зависят от национальной или индивидуально-авторской картины мира, моделируемой в произведении. При анализе художественного пространства используются различные классификации пространственных образов, в основе которых лежат те или иные их признаки и параметры [Пыхтина, Якимов 2017: 59].

Вертикальные пространства — это образы верхнего (небо, гора), среднего (земля, море) и нижнего (овраг, обрыв) пространств.

Горизонтальное пространство включает в себя протяженность четырех пространственных ориентиров относительно говорящего (правое, левое, впереди, сзади).

Динамические пространства пребывают в движении, изменчивы (дорога, река).

Географические пространства включают в себя виды ландшафтов, различные рельефы местности, природные и климатические пояса (степь, пустыня и др.) [Нестерик, Сембаева 2016: 893–894].

Пространственные прилагательные в сочетаниях с именами существительными играют ключевую роль в создании образов пространства в художественной литературе и создают зримую, объемную картину мира. Использование имен прилагательных в художественных текстах обуславливается их семантической основой — обозначение качества, признака, принадлежности предметов как относительно постоянное свойство. Их разнообразная семантика охватывает различные тематические ряды, делая прилагательные стержневым выразителем точной определительной характеристики предметов [Астахова 2021: 181].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили произведения калмыцких писателей Алексея Балдуевича Бадмаева (1924–2007) [Бадмин А. 1959; Бадмин А. 1963], Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) [Хонька М. 1966], Константина Эрендженовича Эрендженова (1912–1991) [Эрнҗәнә К. 1963; Эрнҗәнә К. 1965] и др. В статье применялись описательный и сравнительно-сопоставительный методы исследования. Смысловой перевод иллюстративных примеров из художественных произведений выполнен автором статьи.

Создаваемое автором художественное пространство может быть открытым, т. е. не иметь определенных четких границ или четко очерченных пределов (например, степь, река, озеро) и закрытым (замкнутым), со строго установленными и постоянными границами (город, дом, комната) [Каширина 2006: 182].

Опираясь на классификацию, предложенную в работе В. К. Гончаровой [Гончарова 2012: 4], на материале калмыцкой прозы — романов А. Б. Бадмаева, К. Э. Эрендженова, рассказов и очерков А. Б. Бадмаева, М. В. Хонинова, В. Д. Нурова, Т. О. Бембеева, Н. Я. Бурулова, Р. Б. Шургановой — нами были исследованы образы пространства, которые составляют лексико-тематические группы: небо, земля, вода.

Небо

Образы небесного пространства в художественных текстах калмыцких прозаиков вербализуются прежде всего образом неба (*теңгр*) и образами дневного (*нарн* ‘солнце’) и ночного светил (*сар* ‘луна’).

Образы неба (*теңгр*) и луны (*сар*) в текстах отмечены в сочетаниях с прилагательным *өндр* ‘высокий, возвышенный’ [КРС 1977: 416], которое передает вертикальную протяженность небесного свода, его удаленность от наблюдателя.

В сочетании *өндр теңгр* ‘высокое небо’ образ неба воспринимается как обширное, простирающееся вверх пространство, что создает ощущение простора, бесконечности: *Альд эс одсн болхв, зуг иим цевр өндр теңгр, иим гилвксн оддуд үзәд уга билəв* ‘Где бы я не был, но такое чистое высокое небо, такие сияющие звезды нигде не видел’ («Зултрhн — теегин нohан» = «Зултурган — трава степная») [Бадмин А. 1959: 77].

В конструкции *өндр сар* ‘высокая луна’ прилагательное *өндр* ‘высокий’ передает значение ‘большой по протяженности или далеко расположенный в направлении снизу вверх’ [Ожегов 1961: 116].

Ср. в стихотворении Х. Сян-Белгина: *Өргн теегин булңгд / Өндр сар мандлна* ‘На краю широкой степи / Высокая луна сияет’ [Сян-Белгин Х. 1959: 31].

Для передачи образов солнца и луны используется пространственные прилагательные *төгрг* ‘круглый’ [КРС 1977: 512], *ик* ‘большой, крупный’ [КРС 1977: 266], которые уточняют форму и размер объектов.

В сочетании *төгрг нарн* ‘круглое солнце’ прилагательное ‘круглый’ употреблено в значении ‘имеющий форму круга’ [Ожегов 1961: 300]: *Төгрг шар нарн төөнрж тег байрлулв* ‘Появившееся круглое желтое солнце обрадовало степь’ («Зултрһн — теегин ноһан») [Бадмин А. 1959: 442].

В конструкции *төгрг сар* ‘круглая луна’ прилагательное *төгрг* ‘круглый’ употребляется в прямом значении ‘имеющий форму круга’ и переносном — ‘полный’, т. е. в тексте идет речь о полноте, целостности диска луны (луна видна целиком): *Төөнрәд, толвтад деерәс* / *Төгрг сар өндәв* ‘Взирая сверху, / Круглая луна вознеслась’ [Сян-Белгин Х. 1959: 30].

В этом контексте отмечено устойчивое сочетание *төгрг сар* ‘круглая луна’, которое употребляется в калмыцких загадках, например, *самла әдл сегркә, сарла әдл төгрг* ‘решетчатый, как гребешок, кругленький, как луна’ (*тергнә төгә* ‘колесо телеги’) [Пословицы, поговорки 2007: 507].

В сочетании *нарн ик төгрг* ‘круглое большое солнце’ создается визуальный, осязаемый образ, который дает представление о дневном светиле как о большом по размеру и круглом по форме объекте: *Өргүнднь нарн ик улан төгрг болж, һазриг дулалхар басл чиг чирмәсн болна* ‘Утром солнце, становясь большим красным круглым, словно прилагает усилия, чтобы согреть землю’ («Некля») [Бембин Т. 2024: 51].

В конструкции *ик нарн* ‘большое солнце’ прилагательное *ик* ‘большой’ употребляется не в прямом значении, то есть не указывает на величину объекта, а в переносном: *сильный* — обладающий большой силой (интенсивностью, яркостью, жаром)’: *Ик нарнд урһсн өвсиг хураж, овалчкад <…>* ‘Собрав в кучи траву, которая выросла на сильном солнце <…>’ («Зултрһн — теегин ноһан») [Бадмин А. 1959: 437].

Образ небесного пространства дополняется сочетаниями с прилагательным *ут* ‘длинный; долгий, протяжный’ [КРС 1977: 539]. В контексте прилагательное *ут* применяется для обозначения большой длины. Автор для усиления выразительности использует лексический повтор прилагательного (*ут-ут толян* ‘длинные-длинные лучи’): *<…> ут-ут толяснь теңгриг, эргндкиг гегәрүләд, орчлңгин аһуд цацгдад, күрсн тоотан мандлулад оркна* ‘<…> его длинные-длинные лучи, освещая небо и все вокруг, рассеиваясь по пространству, заставляют сиять все, до чего добираются («Чонын хавх» = «Волчий капкан») [Буурла Н. 2024: 60].

Прилагательное *ут* в значении ‘долгий’ обозначает длительность, протяженность во времени (*ут сө* ‘долгая ночь): *Киитнд нег үлү үвлин ут сөөһин <…>* ‘В морозы, в одну из зимних долгих ночей <…>’ («Шууурһн» = «Буран») [Хоньна М. 1966: 3].

В сочетании *дүүрң сар* ‘полная луна’ прилагательное *дүүрң* ‘полный, наполненный, заполненный’ [КРС 1977: 539] передает пространственное значение, указывая на объем, полноту формы объекта, т. е. луна предстает как цельный, округлый, заполненный диск, без прорезей и изъянов, в контексте автором описывается образ луны в фазе полнолуния: *<…> сөөнь өрәл давсн цагт, арвн тавна дүүрң сар мандлж, толярн өдр мет һазр герлтксн кемд <…>* ‘После полуночи, когда полная луна пятнадца-

того числа месяца взойдя, освещала землю своими лучами, словно днем' («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 470].

В данном иллюстративном примере мы видим применение автором устойчивого формульного выражения из эпоса «Джангар»: *Дүңгһр сәәхн ширә деерән, дүүрң һарсн арвн тавни сар мет мандлҗ суудг болна* 'Словно полная луна пятнадцатого числа месяца взойдя, сел на величественный красивый престол свой' [Джангар 1990: 12].

Образы небесных светил в текстах выражены в сочетаниях с прилагательным *төвгр* 'круглый'.

Образ солнца передается в сравнении по форме с колесом: *Өргүн һарч йовх нарн будн һатцас төвгр улан төвгә болҗ үзгднә* 'Восходящее утром солнце с противоположной стороны тумана виднеется, словно круглое красное колесо' («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 407].

Образ луны предстает в романе в сравнении по форме с круглой чашей, автор приводит строки из калмыцкой песни: *Арвн тавна сарнь / Аһ мет төвгр <...>* 'Луна пятнадцатого числа месяца, / Словно чаша круглая <...>' («Ухлястин көвәд» = «На берегу Ухляти») [Хоньна М. 1966: 170].

Выводы

Калмыцкие писатели образы небесного пространства передают через образ неба (*теңгр*) и образы дневного (*нарн* 'солнце', *толь* 'луч') и ночного светил (*сар* 'луна') и дополняют описанием образа ночи (*сө*). В художественных текстах для описания небесных образов пространственные прилагательные употребляются в переносном значении, например, сочетания *өндр теңгр* 'высокое небо', *өндр нарн* 'высокое солнце' — это образные определения, которые передают ощущение простора, необъятности**.** Образ луны (*сар*) в произведениях А. Бадмаева и М. Хонинова создается в сравнениях, устойчивых формульных выражениях устного народного творчества.

Земля

В калмыцкой прозе одним из ключевых образов земного пространства является образ степи. Образ степи в текстах — это природный образ открытого пространства, бескрайняя родная стихия, глубокий символ, через который раскрываются связь человека с родиной, его мировоззрение и национальный характер:

Эврәннь шим-шүүсәрн теткдг ээҗ мет өргн тееgт кен эс дурта болхв! 'Кто не любит широкую степь, кормящую своими соками, словно мать!' («Эрнҗәнә шиидвр» = «Решение Эренджена») [Бадмин А. 1963: 4].

Өргүн өрлә босхла, делгчксн кевслә әдл, кесг зүсн өңгтә өвсн-нохан дольгалад, өмнәс номһн салькн өрчәр үләһәд, өргн тег улм сәәхрәд, дотрас дуулх дурн күрәд одна 'Когда встаешь рано утром, словно разостланный ковер колышется разноцветная трава, дует южный тихий ветер, широкая просторная степь становится еще красивей, и хочется петь' («Эцгин сүл үг» = «Последнее слово отца») [Бадмин А. 1963: 68].

При описании образа степи в текстах доминантным является пространственное прилагательное *өргн* 'широкий' со значением размера,

отмечен и его синоним *у* ‘широкий', которые характеризуют и передают значения безграничного и необозримого пространства [Рахилина 1994: 64; Игумнова 2009: 14], они зафиксированы в устойчивых сочетаниях: *өргн тег* ‘широкая степь’, *өргн көк тег* ‘широкая зеленая степь’, *өргн эң зах уга тег* ‘широкая, бескрайняя степь’, *у тег* ‘широкая степь’:

Өргн тееги эврә нүдәрн үзсн угалмч ‘Ведь ты не видел своими глазами широкую степь’ («Бүлән боднцг» = «Теплая картошка») [Шууphна Р. 2024: 123].

Хаалһин үзүр хама күргхнь медгдхш, төгәлңдән өргн көк тег, теңгс болж налана ‘Неизвестно, куда приведет дорога, вокруг широкая зеленая степь, раздается вширь, словно море’ («Һалан хадһл» = «Береги огонь») [Эрнҗәнә К. 1965: 239].

<…> хальмг өргн эң зах уга тееги геедрсн бичкн хотнд цуглрж ирнә ‘*<…>* прибыли в затерявшийся в калмыцкой широкой, бескрайней степи маленький хотон’ («Зултрһн — теегин ноһан») [Бадмин А. 1959: 72].

Төгәлңдән тиньгр у тег, теңгс мет налаж уняртад күж мет каңкнна ‘Вокруг ровная широкая степь простирается словно море, как благовоние благоухает’ («Һалан хадһл») [Эрнҗәнә К. 1963: 5].

Образ степи описывается в сочетании с пространственным прилагательным *ик* ‘большой’ (*ик өргн тег* ’большая широкая степь’):

Эн ик өргн тееги оңдан күн бәәдгчн болх <…> ‘В этой большой, широкой степи, наверное, есть и другой человек *<…>*’ («Зултрһн — теегин ноһан») [Бадмин А. 1959: 66].

Для усиления выразительности в тексте автор употребляет сложное прилагательное *өнр-өргн* ‘обширный-широкий’:

Эн тег өнр-өргн болв чиган, саглрсн сәәхн тәрмр модар ховр, мелтглзсн — булг усар хатяр ‘Хотя эта степь обширна и широка, но раскидистыми красивыми деревьями скудна, водой из родников редка’ («Һалан хадһл») [Эрнҗәнә К. 1963: 5].

Степное пространство в текстах составляют образы кургана (*толһа*), возвышенности (*нурһн*), лощины (*хотхр*), оврага (*сала-сартг*) и др., которые в сочетаниях с пространственными прилагательными *өндр* ‘высокий’, *ик* ‘большой’, *бичкн* ‘маленький’, *гүн* ‘глубокий’ помогают воссоздать многогранный образ степи (*өндр ик толһа* ‘высокий большой курган’, *өргн нурһн* ’широкая возвышенность’, *гүн хотхр* ‘глубокая лощина’, *гүн сала-сартг* ‘глубокая балка’, *бичкн сала-сартг* ‘маленькая балка’).

<…> өндр ик толһа деер һарч, маннаннь көлсән арчж, зогсчахинь бидн цуһар үзҗәнәвидн ‘*<…>* мы видим, как взобравшись на высокий большой курган, вытирая пот со лба, стоит’ («Кабаков, иигж малч болла» = «Так Кабаков стал скотоводом») [Хоньна М. 1966: 42].

<…> көк теегин өргн нурһн деегүр, цальгрсн дууна айс, ца-цааһан ирж ‘Бор-худгин’ цахрт хадгдв... ‘*<…>* мелодия песни, разносившейся по зеленой степной широкой возвышенности, затихла за хотоном «Серый колодец»’ («Ленинә дуудврар» = «По призыву Ленина») [Хоньна М. 1966: 121].

Нег гүн хотхрт орж ирәд, шарлж цуглулж авад, даальңд бийләрн авч һарсн махан шарв ‘Войдя в глубокую лощину, собрав бурьян, пожарил

мясо из переметной сумки, что взял с собой' («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 52].

Хальмг теегт ховр бишәр һаң болад, теегин өвсн өгрәд, халцха һазр шуурад, гүн сала-сартгудар хурсн усн ширгәд, мал услдг худгудын усн шавхгдад, мал күн угаг мәәртүләд оркна 'В калмыцкой степи нередки засухи, степная трава выгорает, не покрытая травой земля трескается, вода в глубоких оврагах высыхает, колодцы, где поят скот, исчерпываются и заставляют скот и людей испытывать жажду' («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 72].

<...> эднә зуслңд арвн дууна һазрт, нег бичкн сала-сартг һазрт му биш идг бәәнә '<...> на их стойбище, в десяти километрах отсюда, в одной маленькой балке есть неплохой подножный корм' («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 144].

Для более точного описания степного пространства А. Бадмаевым используется художественное сравнение, например, образ лощины сравнивается по форме с огромным котлом: *<...> дәкн арвн дуунад йовсн цагт, өмннь замин ик хәәсн мет, гүн хотхр харһв* 'Когда прошел еще около десяти километров, перед ним возникла глубокая лощина величиной с огромный кухонный котел' («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 431]. Конструкция *ик хәәсн* является формульным выражением из калмыцкого фольклора, например, встречается в эпосе «Джангар»: *Орад ирдг болхнь, / Харм ик хәәсн нерәтә бәәнә, <...>* 'Как вошли они [в юрту]: / Крымский огромный котел [на тагане] уж стоит *<...>*' [Джангар 1990: 207].

Образ степного пространства дополняет образ ветра (*салькн*). В конструкции *ик салькн* досл. 'большой ветер', прилагательное *ик* 'большой' употребляется не в прямом значении 'значительный по размерам, по величине' [Ожегов 1961: 53], а в переносном — 'сильный (значительный по величине, степени)': *Ик салькнла харһж, / Ишкә гернь хамхрна* 'С сильным ветром встретившись, / Юрта его сломалась' [Сян-Белгин Х. 1959: 97].

Степь выступает как бескрайнее, вольное пространство, тесно связанное с кочевым бытом (*теегин аһу* 'степное пространство', *теегин өргн аһу* 'степное широкое пространство', *хол тег* 'далекая степь'): *Хальмг өргн теегин нег захд, хар хурмш ишкә герт, угатя бүлд үүдәд, байна үкрин сүүләс атхж, хурһдын аса арчж өссн та, бидн хойр <...>* 'В одном краю калмыцкой широкой степи, в юрте из старого закоптелого войлока, родились в бедной семье, схватившись за хвосты коров богачей, вытирая слизистую оболочку ягнят, выросли мы с вами *<...>*' («Һалан хадһл») [Эрнҗәнә К. 1965: 132].

Мазн даанһ хойр өдмгән идснә хөвн, теегин аһуд урлдад, көөлдәд, кесгтән наадна 'Мазан с жеребенком после того, как поедят хлеб, бегают наперегонки и, догоняя друг друга, подолгу играют' («Эәҗин әрүн дүр» = «Священный образ матери») [Нуура В. 2024: 104].

<...> теегин өргн аһуд ирхд байнд яльч йовсн Саарл, түрүн авгтан юн күн болҗахиг сәәтәр медҗәсн уга '<...> Когда прибыли в степное широкое пространство, Саарл, служивший батраком у богача, сначала не мог

понять, что происходит’(«Күч-көлсн гидг эн!» = «Труженик — это он!») [Хоньна М. 1966: 38].

Дөң болхин кергт, хол теегт бәәсн нутг болн әәмг орв ‘Для того, чтобы оказать помощь, добирались до находившихся в далекой степи нутуков и аймаков’ («Зултрһн — теегин ноһан») [Бадмин А. 1959: 414].

Образ дороги в произведениях является метафорой жизненного пути, например: *Ут хаалһар йовад / У теегәс ирнә* ‘По долгой дороге пройдя, / Из широкой степи пришел’ [Сян-Белгин Х. 1959: 3].

В текстах отмечена калмыцкая поговорка, смысл которой заключается в том, что степная дорога — это простор, где нет четких ориентиров: *Теегин хаалһ сохр үкрлә әдл, альдаран авч йовхнь медгдшго* ‘Степная дорога подобна слепой корове, неизвестно, куда поведет’ («Зултрһн — теегин ноһан») [Бадмин А. 1959: 394].

Дорога в степи символизирует движение: *Шордһр шарнь үгинь соңсад, аца зөөҗәсн ик хаалһд орв* ‘Короткохвостый Рыжко послушно перешел на большую дорогу, по которой возили груз’ («Чикрлһн» = «Исправление») [Хоньна М. 1966: 82].

В контексте сочетание *теегин уутьхн хаалһ* ‘степная узкая дорога’ используется в переносном значении как метафора: *Тер учрар, теегин уутьхн хаалһас теднә негнь эрк биш негдҗ хайгдх* ‘По этой причине кто-то из них непременно будет сброшен со степной узкой дороги’ («Зултрһн — теегин ноһан») [Бадмин А. 1959: 453].

Выводы

Земное пространство в калмыцкой прозе передается через образ степи, который отражает связь человека с родиной, его мировоззрение и национальный характер. Бескрайний простор и широту родной степи авторы передают сочетаниями *өргн көк тег* ‘широкая зеленая степь’, *өргн эң зах уга тег* ‘широкая, бескрайняя степь’, *у тег* ‘широкая степь’ и др.

В произведениях К. Эрендженова образ степи сравнивается с образом моря. Образ степи М. Хонинов неразрывно связывает с образом дороги, создавая многоликие художественные смыслы. Для описания степного пространства А. Бадмаевым используются художественные сравнения, метафоры, формульные выражения из калмыцкого фольклора.

Вода

Образы водного пространства в текстах соотносятся с природным началом — река, озеро, море.

Большое значение писатели М. Хонинов, К. Эрендженов придают описанию образа реки Волги (*өргн Иҗл* ‘широкая Волга’):

Иҗл — гиҗ ик уста һол һатлгддмн! ‘Нужно переправиться через полноводную реку Волга!’ («Һалан хадһл») [Эрнҗәнә К. 1963: 222].

В текстах для обозначения размера, ширины реки отмечены сочетания с пространственными прилагательными, которые составляют антонимические пары: *ик* ‘большой’ — *бичкн* ‘маленький’; *өргн* ‘широкий’ —

нәрхн ‘узкий’ (*ик һол* ‘большая река’ — *бичкн һол* ‘маленькая река’; *өргн һол* ‘широкая река’ — *нәрхн һол* ‘узкая река’):

<…> оңдан һол малтад терүнлә негдүләд, күн һатлҗ болшго хурдн урсхлта ик һол кечкнә ‘<…> выкопав другую реку и соединив с этой, сделали большую реку с быстрым течением, через которую человек не сможет перейти’(«Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 89].

Өмнң мана медрл, ухана кем эврәннь хотна захд чилəд, герин өмн бəəсн, бөдүн күүнə күзүцə уста, бичкн һолас даву юмн уга болх ‘Ранее наши познания ограничивались окраиной нашего села, и мы считали, что нет ничего значительнее, чем маленькая река перед домом, глубина которой доходит до уровня шеи взрослого человека’ («Ээҗ» = «Мать») [Бадмин А. 1963: 30].

<…> өргн һолын телтрəс хəəкрəд келҗəх үгшң әрə соңсгдв ‘<…> едва расслышал доносившиеся с той стороны широкой реки его слова’ [Эрнҗәнә К. 1965: 58].

Үзҗәнчи, мана һатлҗ һарсн нәрхн һол «һолын бахлур» ‘Видишь, узкая река, через которую мы переправились, это «горловина реки»’ («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 8].

Для уточнения размера, формы озера употребляются сочетания с пространственными прилагательными ик ‘большой’, *баахн* ‘маленький’, *төгрг* ‘круглый’:

<…> тер холд бəəсн барун һартк ик нуурнь — Ик Хагт, эс гиҗ əмтн амарнь Хагт гинə ‘<…> находящееся там вдалеке с правой стороны большое озеро — Большой Солончак, люди называют его Солончак’ («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 8].

Хумхарад шарлҗ одсн хулсна болн зегснə цаад бийднь төгрг нур үзгдв ‘По ту сторону зарослей высохшего, пожелтевшего камыша и чакана показалось круглое озеро’ («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 395].

Хөөннь Иҗлин усн хəəрдəд, эн хоолын уснь баһрад, хоорндан тасрҗ баахн-баахн нуурмудт тохрҗ ‘После вода Волги обмелела, вода в этой горловине реки уменьшилась, и, разъединившись между собой, образовались маленькие-маленькие озера’ («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 8].

Следует отметить, что устойчивые выражения *төгрг нур* ‘круглое озеро’, *баахн нур* ‘маленькое озеро’ из романа А. Бадмаева отсылают к эпитетам калмыцких народных загадок: *Төгрг нуурин көвəд / Төгəлəд хулсн урһҗ* ‘Вокруг круглого озера / Вырос камыш’ (*сурмсг* 'ресницы'); *Төгрг нуурин көвəд / Түмн җид хатхата* ‘На берегу круглого озера / Воткнуто десять тысяч копий’ (*уньн, харач* 'жерди, круг дымника'); *Баахн нуурт бадм цецг* ‘На маленьком озерке цветок лотоса (*зул* 'лампадка')’ [Пословицы, поговорки 2007: 478, 524, 494].

Для обозначения глубины водного пространства в художественных текстах используются сочетания с пространственным прилагательным *гүн* ‘глубокий’ (*усн гүн* ‘вода глубокая’, *усн гүн биш* ‘вода неглубокая’, *гүн һазр* ‘глубокое место’):

Эн боодгин усн цевр болн гүн ‘Вода в этом пруду чистая и глубокая’ («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 251].

Усн гүн биш, күүнә күзүцә ‘Вода неглубокая, доходит до шеи человека’ («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 8].

«Аавин улан» нуурин усн гүн һазртан һурвн аршм күрдг, йоралнь көк бальчгта болн буурл замгта билә ‘Вода озера «Отцовский бархан» в самом глубоком месте доходит до трех аршинов’ («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 223].

Чтобы передать масштаб и протяженность моря употребляются сочетания: *эң-зах уга теңгс* ‘бескрайнее море’, *ик теңгс* ‘большое море’:

Зуг ик теңгс дунд йовх йоралнь хаһрха бичкн оңһцла дүңцүлж болхмн ‘Но можно сравнить с маленькой лодкой, у которой дырявое дно, движущейся посередине большого моря’ («Зултрһн — теегин нохан») [Бадмин А. 1959: 11].

Выводы

Водное пространство представлено в текстах описанием образов реки, озера, моря в сочетаниях с пространственными прилагательными (*ик һол* ‘большая река’ — *бичкн һол* ‘маленькая река’, *баахн нур* ‘маленькое озеро’ —*ик теңгс* ‘большое море’ и др.).

Главенствующим образом водного пространства у К. Эрендженова, М. Хонинова является образ реки, который широко представлен в сочетаниях с пространственными прилагательными *өргн* ‘широкий’, *бичкн* ‘большой’, *нәрхн* ‘узкий’ и др.

Образ озера в романе А. Бадмаева отсылает к калмыцким загадкам, где частотным является сочетание *төгрг нур* ‘круглое озеро’, поскольку формы озера не всегда бывают именно такими.

Наряду с общим обозначением водного пространства в произведениях присутствует его локализация: гидронимы озер (Ик Хагт = Большой Солончак; Аавин улан = Отцовский бархан), реки (Иҗл = Волга). Лексема *улан* имеет несколько значений: 1) красный, алый, румяный; 2) барханы, дюны; 3) *мед*. рожа [КРС 1977: 530–531]. Возможно, название второго озера связано с его песчаными берегами.

Заключение

В проанализированных художественных текстах рассмотрены небесные, земные и водные образы пространства, которые отражают природные реалии, конкретные ландшафты и их особенности.

Образы пространства в текстах передаются конструкциями с пространственными прилагательными, которые обозначают размеры (длину, ширину, высоту), а также глубину, объем, форму и уточняют удаленность или близость расположения объектов с точки зрения автора-повествователя или персонажа.

Небесное пространство наиболее выразительно в текстах отражено в образах космонимов — солнце (*нарн*) и луна (*сар*); они уточняются адъективом *төгрг* ‘круглый’, указывающим на форму объектов (*төгрг нарн* ‘круглое солнце’, *төгрг сар* ‘круглая луна’).

При описании земного пространства авторы считают важным создать национальный образ степи, который наиболее точно передается в сочетании с пространственным прилагательным *өргн* ‘широкий’ и его синонимом *у* ‘широкий’, которые характеризуют значения безграничного и необозримого пространства. В произведениях К. Эрендженова образ степи сопоставляется с образом моря (*тиньгр у тег, теңгс мет налана* ‘ровная широкая степь простирается словно море’; *өргн көк тег теңгс болж налана* ‘просторная зеленая степь раздается вширь словно море’).

При характеристике водного пространства главенствующая роль отведена образам реки, озера, характеризуемым пространственными прилагательными *өргн* ‘широкий’, *төвгрг* ‘круглый’ (*өргн һол* ‘широкая река’, *төвгрг нур* ‘круглое озеро’).

Пространственные прилагательные у авторов дополняют, конкретизируют, детализируют образы пространства и создают элементы языковой картины мира в калмыцкой прозе, формируя целостный и многогранный образ пространства.

Источники

Бадмин А. 1959 — *Бадмин А.* Зултрһн — теегин нохан: роман (= Зултурган — трава степная: роман). Элст: Хальмг дегтр һаһач, 1959. 478 х.

Бадмин А. 1963 — *Бадмин А*. Ээҗ: келврмүд болн очеркс (= Мать: рассказы и очерки). Элст: Хальмг госиздат, 1963. 96 х.

Бембин Т. 2024 — *Бембин Т.* Некля (= Некля) // Возвращение: антология калмыцкого рассказа (XX – начало XXI в.) / сост., подгот. текстов, предисл. Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. С. 50–59.

Буурла Н. 2024 — *Буурла Н*. Чонын хавх (= Волчий капкан) // Возвращение: антология калмыцкого рассказа (XX – начало XXI в.) / сост., подгот. текстов, предисл. Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. С. 60–83.

Джангар 1990 — Джангар: Калмыцкий героический эпос. Изд. 3-е. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 287 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.

Нуура В. 2024 — *Нуура В.* Ээҗин әрүн дүр (= Священный образ матери) // Возвращение: антология калмыцкого рассказа (XX – начало XXI в.) / сост., подгот. текстов, предисл. Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. С. 101–108.

Ожегов 1961 — *Ожегов С. И*. Словарь русского языка: ок. 53000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М.: ГИС, 1961. 900 с.

Пословицы, поговорки 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 839 с.

Сян-Белгин Х. 1959 — *Сян-Белгин Х*. Шүлгүд болн поэмс (= Стихи и поэмы). Элст: Хальмг дегтр һаһач, 1959. 135 х.

Хоньна М. 1966 — *Хоньна М*. Ээлтә улс: келврмүд (= Душевные люди: рассказы). Элст: Хальмг дегтр һаһач, 1966. 176 х.

Шууһна Р. 2024 — *Шууһна Р.* Бүлән боднцг (= Теплая картошка) // Возвращение: антология калмыцкого рассказа (XX – начало XXI в.) / сост., подгот. текстов, предисл. Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. С. 123–126.

Эрнҗәнә К. 1963 — *Эрнҗәнә К*. Һалан хадһл: роман. 1-гч дегтр (= Береги огонь. Роман. Книга 1). Элст: Хальмг госиздат, 1963. 225 х.

Эрнҗәнә К. 1965 — *Эрнҗәнә К.* Һалан хадһл: роман. 2-гч дегтр (= Береги огонь: роман. Книга 2). Элст: Хальмг госиздат, 1965. 247 х.

Литература

Астахова 2021 — *Астахова Е. С.* Языковое осмысление иномирия как пространства в художественном тексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С 175–185.

Аюпова 2012 — *Аюпова С. Б.* Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И. С. Тургенева): автореф. дисс. … д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 49 с.

Гончарова 2012 — *Гончарова В. К.* Пространственные характеристики мира в языке поэзии А. Фета: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Курск, 2012. 22 с.

Игумнова 2009 — *Игумнова Е. С.* Языковая картина степи в художественном мире А. П. Чехова: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 24 с.

Каногина (Белова) 2025 — *Каногина (Белова) П. Е.* Динамика концептуализации и категоризации пространства и ее отражение в русском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2025. 26 с.

Каширина 2006 — *Каширина С. В.* Роль художественного пространства в постижении литературного текста // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. Вып. № 9(59). Ч. 1. С. 180–185.

Лихачев 1970 — *Лихачев Д. С.* Художественная среда литературного произведения // Симпозиум «Проблемы ритма, художественного времени и пространства в литературе и искусстве», 21–25 декабря 1970 г.: тез. и аннот. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 7–9.

Мазанова 2004 — *Мазанова Е. Ю.* Когнитивные механизмы и языковые средства репрезентации пространства в англоязычном тексте художественной прозы: дисс. … канд. филол. наук. М., 2004. 200 с.

Нестерик, Сембаева 2016 — *Нестерик Э. В., Сембаева А. М.* Свойства и функции социального пространства в художественном тексте // Молодой ученый. 2016. № 1(105). С. 891–894.

Пыхтина, Якимов 2017 — *Пыхтина Ю. Г., Якимов П. А.* Уровневый анализ пространственных образов и моделей в художественной литературе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 11(211). С. 59–66.

Рахилина 1994 — *Рахилина Е. В.* Семантика размера // Семиотика и информатика. 1994. № 34. С. 58–81.